

Сосиска в тексте, или Трудно ли написать гимн?

21 февраля с. г. Государственный Совет Татарстана принял текст гимна республики. А 18 марта Президент РТ подписал соответствующий Указ о государственном символе. До этого было объявлено имя победителя поэтического конкурса на лучшие стихи для торжественной песни. Им стал татарский поэт Рамазан Байтимеров. У переводчиков лучшей признана работа казанского поэта Филиппа Пираева. Сегодня мы публикуем интервью с поэтом **Филиппом Пираевым**, в одночасье ставшим известным на всю республику. Кстати, заведующим отделом поэзии нашего альманаха

Андрей Казанский. Поздравляю переводчика, вернее, автора текста гимна республики на русском языке!

Филипп Пираев. Спасибо.

А. К. Расскажи о себе. Кто ты, откуда родом?

Ф. П. Родился я в Тбилиси в семье адвоката и преподавательницы музыки. Окончил Грузинский государственный институт физкультуры по специальности «тренер по шахматам». С 1993 года проживаю в Казани. Трое детей. По национальности – ассириец.

А. К. Ассириец? Насколько я помню, именно в древней Ассирии была основана первая в истории публичная библиотека...

Ф. П. Да, в первой половине седьмого века до нашей эры её создал в своём дворце царь Ашшурбанипал – один из образованнейших людей той эпохи. Со всей необъятной империи он приказал доставлять в город Ниневию глиняные таблички на разных языках, дабы любой желающий мог приобщиться к знаниям. Помимо хозяйственных и исторических документов, там были собраны религиозные, философские и медицинские тексты, магические заклинания, а также соответствующие сегодняшним требованиям двуязычные словари.

*Поэт
(справа)
за
шахматной
доской*

Когда учёные расшифровали ассиро-вавилонскую клинопись, неожиданно выяснилось, что жители Месопотамии (современный Ирак) были знакомы с таблицей Пифагора, изобрели понятие «нуля», знали расстояния до многих планет, а также – что некоторые библейские и коранические сюжеты восходят к месопотамским текстам. Например, сотворение мира за шесть дней, потоп. Кроме того, влияние культуры Двуречья прослеживается и в древнегреческих мифах. Ниневийская библиотека – гордость нашего народа.

А. К. Не потому ли ты работаешь в библиотеке?

Ф. П. Во всяком случае, я чувствую с Ашшурбанипалом некую мистическую связь...

А. К. Отец твой ассириец, мать немка. Говорят, смешанные браки дают талантливых детей?

Ф. П. Возможно.

А. К. А какой ты веры?

Ф. П. Ассирийцы – первый народ в истории, принявший христианство. В раннем средневековье Апостольская ассирийская церковь Востока (чаще по ошибке именуемая Несторианской) вела активную миссионерскую деятельность на необозримых просторах Азии. Многие среднеазиатские, индийские и тибето-монгольские народы и племена принимали новую веру.

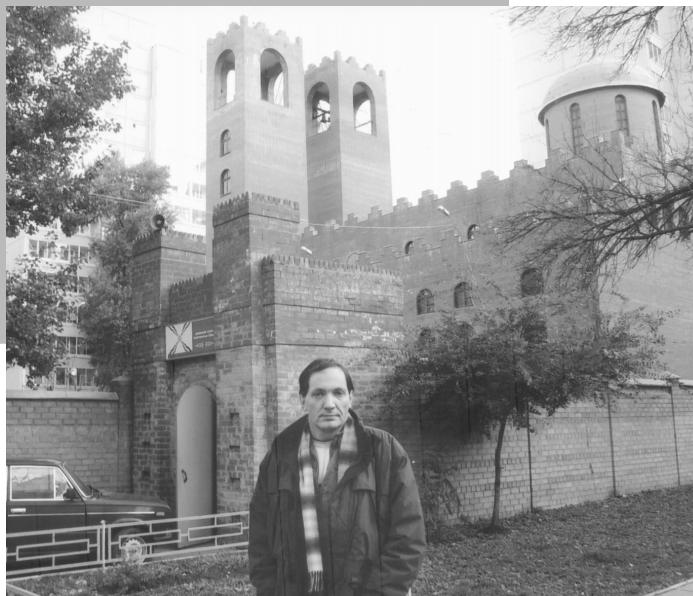
Среди обращённых были и золотоордынские правители – например, ханы Джучи, Мунке, Сартак.

В отличие от большинства христианских конфессий, Церковь Востока не считает Иисуса Богом, деву Марию (Марьям) именуется «Христородицей», не признаёт икон, книгу «Апокалипсис», а также исповедь.

После прихода арабов многие её представители просвещали вчерашних бедуинов, преподавали в университетах медицину, астрономию, математику, переводили на арабский труды античных философов – словом, оказали огромное влияние на культурное становление молодой нации.

К сожалению, в последние годы межконфессиональная ситуация на Ближнем Востоке очень осложнилась. Пришедшие к власти радикалы, при преступном

*Возле
Апостолькой
ассирийской
церкви
Востока
в Москве*

равнодушии мирового сообщества, убивают, похищают и облагают данью всех иноверцев, запрещают им продавать недвижимость. Христиане вынуждены покинуть свою родину. Если при Саддаме Хусейне в Ираке насчитывалось свыше миллиона ассирийцев, то сейчас там их осталось не более 400 тысяч.

А. К. А как расцениваешь религиозную и межнациональную обстановку в Татарстане?

Ф. П. Убеждён, что Татарстан был и должен быть примером для всего мира. Вряд ли где-то ещё народы, говорящие на разных языках и исповедующие разные религии, живут так дружно.

А. К. Итак, ты, как и немало творческих людей, – «ночной директор». Значит, есть возможность заниматься любимым делом в спокойной обстановке...

Ф. П. Да, ночные дежурства почти всегда проходят спокойно.

А. К. Почти? А что, были какие-то экстремальные случаи?

Ф. П. Один случай имел место. Однажды во время моего ночного дежурства вооружённый пистолетом грабитель, взобравшись по приставной лестнице и выдавив окно, залез на второй этаж. Меня спас нож, схоронившийся в заднем кармане брюк. Когда я был повязан по рукам и ногам, и грабитель, оборвав телефонный шнур, пошёл наверх – складывать в сумки системные блоки, – мне удалось перерезать верёвку на ногах, открыть щелчку на входных дверях и добежать – руки за спиной, скотч на губах – до поста милиции. Разбуженные мною блюстители порядка быстро разобрались с любителем хождений по библиотекам в три часа ночи. Как выяснилось позже, им оказался один из наших постоянных читателей.

А. К. Филипп, ты ведь добился успехов и в шахматах – был чемпионом Казани и Татарстана, участвовал в чемпионатах России, имеешь международное звание. Чем шахматы отличаются от поэзии?

Ф. П. Разумеется, между ними есть принципиальная разница. Шахматы – это, прежде всего, спорт. То есть, в них, в отличие от искусства, существуют чёткие правила и критерии. Победа, ничья, поражение, количество набранных очков. Если в поэзии нельзя определить, кто лучше – скажем, Есенин или Мандельштам, и всё зависит от вкусовых приоритетов читателя, то Фишер объективно сильнее

Ларсена – потому, что, обыграв его в претендентском матче «в сухую», со счётом 6 : 0, уверенно доказал преимущество своего стиля и методов подготовки. По своей сути шахматы являются математической задачей, в которой поставлен вопрос: как должна закончиться партия при правильной игре обеих сторон. У поэзии же – своя, зачастую иррациональная логика.

В то же время в шахматах, как и в поэзии, существуют разные стили, простота и сложность; присутствует эстетика; огромную роль играют фантазия и вдохновение. И там и тут истинная красота подобна подводной части айсберга, недоступной поверхностному взгляду. Точно так же, как поэт ищет из сотен других самое точное слово, шахматист из всего многообразия ходов отыскивает единственно верный. Ответственность за сделанный ход и найденное слово – это и есть, на мой взгляд, главное сходство шахмат и поэзии.

А. К. Ты поздно, по поэтическим меркам, в 40 лет, начал писать стихи. Почему так получилось? Что тебя сподвигло на поэзию?

Ф. П. В школьные годы я в основном читал научно-популярную литературу, особенно увлекался астрономией. Из прозаических жанров предпочтение отдавал научной фантастике и историческому роману. Поэзия меня мало интересовала. Однако все сочинения по литературе я писал на свободную тему – видимо, уже в ту пору чувствовал, что обладаю достаточной силой воображения и что слово мне подвластно. Ближе к двадцати начался естественный в этом возрасте «поиск себя». Судьба свела меня с интересными людьми – бардами и рок-музыкантами. Я стал больше читать, начал осваивать гитару и писать песни, увлёкся живописью. Иногда рождались и стихи. Но ни о какой серьёзной работе над содержанием тогда не было и речи. Тем более, что много времени отбирали поездки на шахматные турниры.

В первые годы после переезда в Казань тоже было не до стихов – надо было зарабатывать на жизнь, обеспечивать семью. После развода ситуация изменилась – появилось свободное время, а вместе с ним и возможность «заглянуть в душу», задуматься о смысле жизни и о своём месте в ней.

И вот, в сорок лет – что называется, «прорвало». Оказалось, что поэзии все возрасты покорны. Во всяком случае, меня воодушевлял пример поэта-символиста Иннокентия Анненского, тоже довольно поздно пришедшего в литературу. Я стал посещать сначала лито «Белая ворона», позже – «АРС». Появились первые публикации.

А. К. И вот теперь ты – автор текста гимна на русском языке нашей республики, зав. отделом поэзии «Казанского альманаха», в котором, кстати, состоялся твой поэтический дебют. Думал ли ты о таком успехе, когда начинал писать стихи?

Ф. П. Ничего конкретного я, разумеется, не планировал и не загадывал, но определённые надежды, конечно, были.

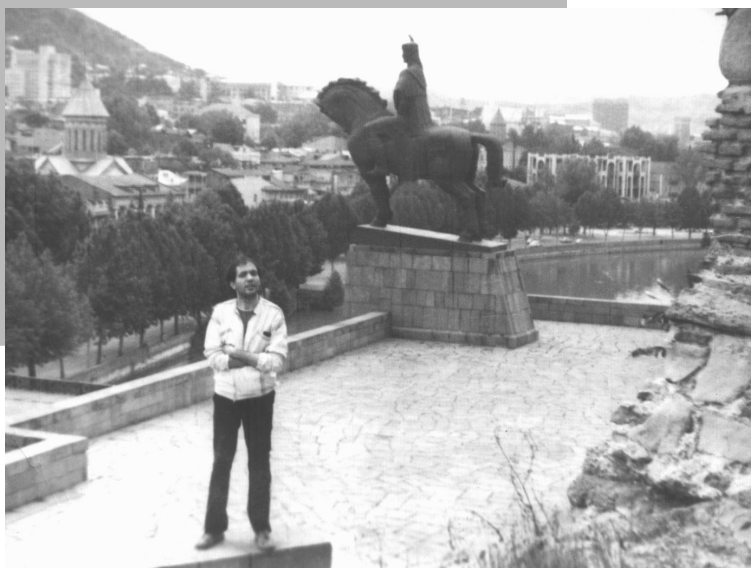
А. К. Как, по-твоему, можно ли гимн отнести к литературе? В чём его отличие от стихов и обычных песен?

Ф. П. Безусловно, можно. Более того, гимн – это один из древнейших жанров. Хотя и стоящий особняком.

Что касается вообще песен, то они очень отличаются от стихов. Если в «чистой» поэзии есть лишь два «действующих лица» – автор и читатель (реже – слушатель), то в песнях многое зависит от исполнителя, его внешних и вокальных данных, аранжировки. Важную роль играет хорошая «пропеваемость» слов. Например, длинный звук «ы» певцу «тянуть» труднее, чем «а» или «о». Ещё явственнее, чем в стихотворении, ощущаются нагромождения глухих согласных.

Из всех песенных жанров ближе всего к стихам – бардовская песня, шансон и романс, в которых музыкальная «нагрузка» служит скорее фоном, чем основой. В эстрадной музыке мы наблюдаем обратное – слова зачастую являются «до-

У памятника
царю
Вахтангу
Горгасали
в Тбилиси

веском» к мелодии, ритму и различным сценическим и звуковым эффектам. Гимн же – это торжественная песня. И не просто торжественная, а подчёркнуто торжественная, прославляющая Родину. В ней допустим некоторый пафос, обычно неуместный в других песенных жанрах. В то же время гимн должен быть прост и понятен настолько, чтобы его мог выучить наизусть и спеть любой человек. Отсюда – и ограничения: никаких смелых метафор, сложных оборотов речи, то есть в нём не должно содержаться ничего из того, что обычно считается признаком поэтической новизны. Говоря короче, гимн – это проверенные временем штампы.

Бывают ограничения и другого рода. Скажем, продиктованные политическими реалиями. К примеру, слово «страна» было неуместно в нашем случае, так как Татарстан официально не является отдельным государством, а числится «субъектом федерации».

А. К. Трудно ли писать гимн?

Ф. П. Со стороны может показаться, что – легко. Но, как ни странно, писать штампами довольно сложно. Нет привычной свободы для творческой фантазии, что приводит к известной унификации. Не случайно тексты гимнов многих стран и республик различаются лишь отдельными деталями. Ещё справедливее говорить о сложности, если речь идёт о переводе.

За простыми словами (в итоговом варианте осталось всего лишь восемь строк) стоит долгая, кропотливая, изматывающая работа. Лично у меня ушла на черновые варианты 48-листовая тетрадь. Приходилось не спать ночами, поддерживая себя изрядными дозами кофеина. Однажды со мной произошёл смешной случай – после очередной такой ночи, я, погружённый в творческие мысли, зашёл в продуктовый магазин и попросил продавщицу дать мне... «сосиску в те-К-сте».

Объективных трудностей, с которыми пришлось столкнуться переводчикам, было немало. Основной из них было ритмическое деление строк на две части: в нечётных строках 6 + 4 слога, а в чётных – 6 + 3. Причём эти короткие «хвостики» нужно было перекрёстно зарифмовать, да ещё так, чтобы слова было удобно пропеть.

По ходу работы несколько раз менялся татарский текст первого, впоследствии аннулированного, куплета (в итоге были оставлены по две строфы стихотворений на татарском и русском). Могу привести несколько своих «проб» первой строки.

«Мы сто путей прошли и сто дорог...»

«Всем людям, Родина, ты даришь свет...»

«Мой Татарстан, тебя дороже нет...»

Уже из этих примеров видно, сколько магистральных направлений вынуждены были прорабатывать переводчики. Приходилось чуть ли не всё начинать заново, так как наиболее удобные рифмы перебрасывались с одного на другие, более проблемные «участки фронта». Словом, выполнять почти компьютерные действия.

Следовало также избегать слишком большого количества местоимений.

Неожиданно выяснилось, что не так-то просто найти подходящую по смыслу рифму к слову «Татарстан». Если в татарском оригинале оно прекрасно рифмуется со словом «дастан», то в переводе чуть ли не единственной возможностью оказался глагол «стал»... Но чем труднее – тем интересней!

А. К. Расскажи, как вообще проходил конкурс?

Ф. П. В течение всего 2012 года все желающие присылали свои анонимные тексты в Госсовет республики. Работала специальная комиссия. В результате почти из двухсот произведений было выбрано стихотворение Рамазана Байтимерова, которое, после некоторой обработки, стало основой для дальнейшей работы. В ноябре началась следующая стадия – перевод на русский язык. Для этой цели были приглашены поэты, уже обретшие известность в Татарстане, а некоторые – и за его пределами. Это – два Николая – Алешков и Беляев, Борис Вайнер, Наиля Ахунова, Алёна Каримова и я. Примерно раз в неделю нас вызывали в Госсовет, где разбирались и пелись предложенные варианты. Каждому переводчику и члену комиссии выдавались брошюры с распечатанными строками всех конкурсантов. Атмосфера была рабочей и дружественной, все осознавали ответственность возложенной задачи. Происходил обмен мнениями, рождалось много интересных идей. Победить мог любой. Но в итоге комиссия остановила свой выбор на одном из моих вариантов.

А. К. В одних источниках ты фигурируешь как «переводчик», в других – как «автор текста на русском языке». Как всё-таки будет правильнее? Не гимнописец ли?

Ф. П. Правильнее будет – «гимнюк» (смеётся). Во всяком случае, в поэтических и музыкальных кругах людей, пишущих гимны, в шутку называют именно так. На что последние отвечают: «гимнюк не гимнюк, а слушать будешь стоя!» А если серьёзно, то всё же точнее – «автор текста на русском языке», ибо конечный вариант, хоть и повторяет в основных чертах текст, обработанный Гараем Рахимом, всё же от него несколько отходит – тут сказались некоторые тонкости, связанные с разницей в синтаксическом строе и других особенностях двух языков.

А. К. В одной телепередаче тебя назвали «поэтом-любителем». Почему так?

Ф. П. Видимо, по той причине, что я пока не состою ни в одном из Союзов писателей.

А. К. Пригодился ли тебе приобретённый в молодости опыт написания песен?

Ф. П. Ещё как! Не будь его, я не знал бы, что каждую написанную строку необходимо многократно пропевать – мысленно и вслух, выискивая в них сильные и слабые места.

А. К. На первом, рабочем, прослушивании гимна ты удостоился чести сидеть на балконе, рядом с первыми лицами руководства республики. Каковы были твои ощущения? Что вообще испытываешь, когда слышишь свои слова в исполнении хора?

Ф. П. Я понял, что на балконе сидеть приятно. Оттуда хорошо видно и слышно.

Ощущения были похожими на те, которые, наверно, испытывал Фауст, перед тем как произнести «Остановись, мгновенье!». Но оркестр под управлением Сладковского почему-то не остановился и доиграл всё до последней ноты, а первые лица встали и пошли к выходу.

Когда слушаю свои слова в сочетании с музыкой Рустема Яхина, вспоминаю, как на протяжении многих лет просыпался под эту прекрасную мелодию. И мне хочется думать, что тот зимний поэтический марафон прошёл не зря.

А. К. Этот номер нашего альманаха посвящён проблемам литературы. Точнее, противостоянию между истинной и псевдолитературой. Как тебе видится современное положение дел? Что радует, что тревожит?

Ф. П. Творческий процесс протекает не в вакууме. Искусство всегда отражало и отражает метаморфозы, происходящие в обществе. Если говорить о россиянах, – радует то, что, несмотря на все сегодняшние трудности, наш народ не утратил любви к слову; что люди разных возрастов и профессий по-прежнему пишут и читают. Тревожащих факторов, однако, довольно много. И связано это с тем, что иные негативные явления нашей действительности стали проникать в святая святых – в литературу. Ситуация же в общем мне видится так.

Если во времена Пушкина достойных поэтов и прозаиков можно было, грубо говоря, пересчитать по пальцам, то уже Серебряный век явил великое разнообразие стилей и направлений. По мере дальнейшего роста количества литературных изданий и числа пишущей братии выделиться из массы стало намного труднее.

Не всем, конечно, дано быть великими или, по крайней мере, трудолюбивыми. И не у каждого есть мужество в этом сознаться. А признания хочется. И тут новая многотиражная плюралистическая и демократическая эпоха услужливо предлагает несколько путей.

Путь первый – эпатаж. Пиши всякую мерзость, шокируй читателя, выверни его наизнанку. Пусть он не расслабляется. Пусть даже плюётся при твоём упоминании – главное, что ты на слуху. Тебя заметили, ура!

Путь второй – пиар. Используя свою смекалку и личные связи, кричи на всех углах о своей гениальности, устраивай презентации, не забыв оповестить средства массовой информации. Придумай себе имидж, легенду, обзаведись, как флагом, каким-нибудь «-измом». Организуй звания. Толпе всё равно не разобраться в тонкостях; понимающие коллеги сокрушённо вздохнут и промолчат, а влиятельные друзья и продажные критики раздуют твоё имя до масштабов метагалактики, доказав, что серенькое – это на самом деле очень даже беленькое. Или цветное. И, кстати, не мешает самому поверить в свою гениальность.

Путь третий – тусовка. Реальная и виртуальная. Прибейся к стае. Хвали и поддерживай «своих», критикуй, высмеивай или игнорируй «чужих». Где «Ку-ку», там и «Ку-ка-ре-ку». Сбрасывай «с парохода современности» всех, кто не с вами. И хотя бы кусок общего пирога тебе обязательно перепадёт.

В литературе, как в любом виде искусства, есть свои «аристократы духа», и «мещане во дворянстве». «Человеку со стороны» различить их не так-то просто: вторые научились мимикрировать. Они приспособились носить соответствующие наряды, «правильно держать ложку и вилку» – выучили пару десятков «умных» слов, коими – где надо и не надо – любят козырять, взяли на вооружение фразу (саму по себе, впрочем, верную) «о вкусах не спорят», освоили принципы версификации, вручили сами себе золотые «перья» и «лиры» и принялись навязывать публике своё понимание искусства.

А. К. А есть ли всё-таки возможность отличить «зёрна» от «плевел»?

Ф. П. Возможность, разумеется, есть. Аристократ может взять котлету рукой и при этом остаться аристократом. Он самодостаточен, ибо знает, каких он кровей, и никакие доказательства этого ему не нужны. Мещанин же, даже когда правильно

использует столовые приборы, постоянно оглядывается по сторонам, проверяя, как он выглядит в глазах окружающих.

Ему постоянно требуются всё новые осязаемые подтверждения своей «легитимности», причастности к кругу избранных. Отсюда – патологическое стремление быть всегда «на виду», жажда премий, восторженных отзывов. Убежденность в том, что все средства хороши. Тщеславие как компенсация внутренней пустоты. Словесная эквилибристика в качестве дымной завесы, скрывающей бесталанность. Обвинения в «отсталости» других как удобный способ выпятить себя. Как повод покрасоваться друг перед другом. Ибо внутренне они – как были мещанами, так ими и остались.

Спросите у них, зачем они пишут? Они ответят (если, конечно, посчитают вас достойными ответа), что двигают литературный процесс, занимаются «чистым» искусством, «служат языку». Что являются «медиумами», проводящими в наш грешный мир послания Высшего Разума. Что истинный творец должен остаться в веках. В лучшем случае – выдадут другую зазубренную фразу – мол, есть люди, которые «не могут не петь». Но ничего не скажут о том, что все таланты даны Богом, и что их надо отработать по полной программе. Они не скажут, что ценности бывают вечные и относительные; что «язык» – это кумир, и что служить надо не ему, а людям. Ни словом не обмолвятся о том, что пресловутая «новизна», которая через двадцать лет станет «отстоем», – это химера. Химера такая же, как и все звания и награды, как преходящая *gloria mundi* (слава мирская).

А если обобщить – они забудут упомянуть о *душе*. Ибо, хоть иногда и употребляют это слово в своих произведениях – потому, что так *принято*, сами в её существование не верят, предпочитая тешить себя надеждой на то, что их творения «переживут века». Они, прежде всего, спросили бы себя, что сегодня сделали хорошего для людей.

Совершенно очевидно, налицо – либо глупость, либо фальшь. А и то, и другое – характернейшие черты псевдоаристократов.

А. К. А как ты сам относишься к выражению «о вкусах не спорят»? И что для тебя важнее в стихах – форма или содержание?

Ф. П. Важнее, конечно, посыл. К сожалению, многие современные авторы так много уделяют внимания технике, что забывают о главном – векторе содержания. Как для них становится важнее, чем *что*. В результате в современной литературе всё больший вес приобретает филология в ущерб душевности, а многие поэты, желая быть причисленными к «элите», начинают писать фактически друг для друга. Как следствие – снижение нравственного уровня произведений и падение интереса к поэзии.

Что же касается вкусов, то, на самом деле, хороший и дурной вкусы были и будут всегда. Да, о них не спорят, но не потому, что все они хороши, как некоторые думают, а потому что человеку с дурным вкусом этого просто не объяснишь. Не дорос.

Увы, всё вышесказанное справедливо и в отношении многих современных критиков и членов всяческих жюри.

Вот, к слову, не так давно в одном из престижнейших поэтических конкурсов победа была присуждена автору, содержание стихов которого можно, пожалуй, вкратце охарактеризовать так: «эпатажно-заумная чернуха, помноженная на ненормативную лексику». Как реакция на это уродство и безответственность членов жюри мною было написано и вывешено на сайте «Стихи. ру» (правда, без пояснительных комментариев) полушуточное стихотворение «Конопля». Оно не длинное, с твоего позволения приведу его полностью:

* * *

У ворот горсовета росла конопля.
Прочитав про литконкурс в журнале,
не дурачества ради, но творчества для
мы с приятелем кустик сорвали.
На шкафу просушили, забили косяк,
понеслись Ниагарою строки...
Через месяц нам пишет какой-то чудак,
что от присланных виршей в восторге.
В черепушках у нас засвистела пурга:
что за чёрт побери, в чём причина –
ведь по трезвому тут не просечь ни фига,
как же это мы приз получили?

Слышь, товарищ, ответа ты здесь не ищи –
разве только правдива догадка,
что у бывших в жюри крутолобых мужчин
не одни лишь томаты на грядках;
разве только в стране, где низы и верхи
не хотят и не могут без дозы,
чем обдолбанней и беспросветней стихи,
тем понятней житейская проза.

Кстати, с этим стихотворением связан ещё один забавный эпизод. В день первого прослушивания гимна в консерватории ко мне подошла одна журналистка и спросила примерно следующее: «В ваших строках упоминаются и «горсовет» (по смыслу – не так уж далеко от Госсвета), и «конкурс», и «приз». Что имелось в виду – не выигранное ли вами состязание переводчиков?»

Пришлось обстоятельно объяснять всю предысторию стихотворения.

А. К. Да, действительно, забавно – как люди могут порой всё интерпретировать по-своему. Ну и в заключении традиционный вопрос: над чем работаешь?

Ф. П. Над собой.

А. К. Нет, в смысле творчества?

Ф. П. Хочу, наконец, издать свою первую книгу стихов.

А. К. Что ж, от всей души желаю успеха!

Ф. П. Спасибо, Андрей.

*Беседу вёл
Андрей Казанский*